

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.2>

Борисова Ирина Михайловна, Проваторова Ольга Николаевна

Особенности графического оформления книги А. П. Чехова "Остров Сахалин"

В статье впервые рассматриваются особенности графического оформления книги А. П. Чехова "Остров Сахалин". Цель исследования - выявление всех графических средств, имеющихся в книге, и анализ их функций. Научная новизна работы обусловлена тем, что графический облик книги ещё не был рассмотрен исследователями. Предпринятый анализ помог выделить в произведении следующие приёмы графики: курсив, разрядку, "растяжку", графический эквивалент текста. Авторы статьи описывают их функции с учётом композиционной особенности - деления книги на основной текст и "подтекст" (примечания, сноски). Особое внимание уделено распределению графических средств по главам и содержанию. Полученные результаты показали: функции графических средств разнообразны и отличаются в разных пластах текста, графическое оформление книги тесно связано с сюжетно-композиционным замыслом писателя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/5/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 5. С. 16-20. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Русская литература

Russian Literature

УДК 82-4

Дата поступления рукописи: 06.04.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.2>

В статье впервые рассматриваются особенности графического оформления книги А. П. Чехова «Остров Сахалин». Цель исследования – выявление всех графических средств, имеющих в книге, и анализ их функций. Научная новизна работы обусловлена тем, что графический облик книги ещё не был рассмотрен исследователями. Предпринятый анализ помог выделить в произведении следующие приёмы графики: курсив, разрядку, «растяжку», графический эквивалент текста. Авторы статьи описывают их функции с учётом композиционной особенности – деления книги на основной текст и «подтекст» (примечания, сноски). Особое внимание уделено распределению графических средств по главам и содержанию. Полученные результаты показали: функции графических средств разнообразны и отличаются в разных пластах текста, графическое оформление книги тесно связано с сюжетно-композиционным замыслом писателя.

Ключевые слова и фразы: А. П. Чехов; книга очерков «Остров Сахалин»; графические средства; курсив; разрядка; «растяжка»; графический эквивалент текста; основной текст; «подтекст» (сноски и примечания); функции графических средств.

Борисова Ирина Михайловна, к. филол. н., доц.

Проваторова Ольга Николаевна, к. филол. н.

Оренбургский государственный университет

iragridneva7611@mail.ru; olgaprovatorova@yandex.ru

Особенности графического оформления книги А. П. Чехова «Остров Сахалин»

В последние десятилетия учёные активно интересуются вопросами графического облика поэтических и прозаических произведений. Ввиду этого *актуальность* настоящей работы состоит в том, что здесь изучается графическое оформление книги одного из крупнейших русских писателей XIX века – Антона Павловича Чехова. Книга А. П. Чехова «Остров Сахалин» уже изучалась исследователями с точки зрения её жанрового своеобразия (Д. Ф. Захаркин, М. Л. Семанова, Б. И. Есин, Э. А. Полоцкая), языковой специфики и отдельных черт поэтики (В. Б. Катаев, Л. В. Баскакова, И. А. Гурвич, А. П. Чудаков, Н. Н. Соболевская, В. И. Тюпа, В. К. Гайдук, Н. Ю. Тяпугин, Б. М. Шубин, И. Н. Сухих, М. П. Громов, М. В. Теплинский и др.). Учёными также ставилась и решалась проблема влияния Сахалина на творчество Чехова: одни концентрируют внимание на сахалинских мотивах в прозе писателя (Э. А. Полоцкая, Г. И. Принцева, Г. П. Бердников, Н. Н. Соболевская), другие считают, что Сахалин концептуально не повлиял на него (И. А. Гурвич, Л. М. Долотова, А. М. Турков). Зарубежные исследователи творчества писателя интересовались гуманистическим смыслом и религиозно-нравственным аспектом произведений А. П. Чехова [7-10].

Для того чтобы рассмотреть особенности графического оформления книги А. П. Чехова «Остров Сахалин», нам нужно решить следующие *задачи*: обнаружить в тексте все графические приёмы, дать им количественную и функциональную характеристику, рассмотреть их с точки зрения сюжетно-композиционных особенностей книги. Эти разыскания будут проведены на основе академического издания книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» [6]. *Методологической базой* исследования послужил метод целостного анализа художественного текста, а также работы лингвистов по графическим элементам, сопровождающим письменный текст (А. Г. Костецкий, И. Э. Клюканов, А. Ф. Бадаев, Ю. В. Казарин и др.), работы литературоведов по графической форме литературного произведения (Ю. Н. Тынянов, Б. В. Томашевский, Ю. М. Лотман, А. Г. Степанов, Т. Ф. Семьян и др.). *Практическая значимость* данной работы определяется тем, что анализ графических средств позволяет по-новому взглянуть на авторский замысел и композиционные особенности книги Чехова «Остров Сахалин».

Ранее мы выявили, что Чехов достаточно часто использовал курсив, и проанализировали функции 711 случаев курсива в его прозе [2]. Однако уже при первом знакомстве с книгой «Остров Сахалин» можно

обнаружить в её оформлении не только курсив, но и другие графические средства. Так, в книге Чехова «Остров Сахалин» нами выявлены следующие приёмы графики: курсив – 91 случай, разрядка – 15, «растяжка» – 2, графический эквивалент текста – 1 (всего 109). Приступая к их анализу, мы должны учесть тот факт, что композиционно произведение делится на два слоя: 1) основной текст и 2) сноски, примечания («подтекст»). В некоторых исследованиях говорится об особой роли и важности сносок и примечаний в книге «Остров Сахалин» [1; 3, с. 91-92; 4, с. 782-783; 5, с. 81]. С их помощью писатель не только вносит в текст дополнительные смыслы, но и выстраивает отдельные микросюжеты, которые органично вплетаются в проблематику книги. С учётом данной композиционной особенности мы считаем целесообразным отдельно проанализировать графические средства основного текста и «подтекста» книги «Остров Сахалин». К тому же, на наш взгляд, функции графики будут отличаться в разных пластах текста.

В основном тексте Чехов применил 72 случая графических средств, а в «подтексте» – 37. Их количественное распределение в книге представлено в Таблице 1.

Таблица 1

Вид графического средства	Часть текста	
	Основной текст	«Подтекст»
Курсив	70	21
Разрядка	0	15
«Растяжка»	2	0
Графический эквивалент текста	0	1
Всего	72	37

Подобное соотношение средств графики в основном тексте и «подтексте» (72 и 37 случаев) объяснимо той ролью, которую выполняет каждый из слоёв книги – основной и дополнительный. Кроме того, и печатаются они шрифтом разного кегля: основной текст – большим, «подтекст» – меньшим, что является традиционным в типографской практике, когда сноски и примечания подаются в тексте более мелким шрифтом.

Сначала подробнее рассмотрим графические средства основного текста, где Чехов использовал курсив (наклонная печать букв, напоминающая рукописный шрифт) и «растяжку» (такая печать, при которой в слове намеренно, несколько раз повторяется одна и та же буква через дефис, благодаря чему создаётся эффект «растянутого» слова). Последний приём встречается в книге «Остров Сахалин» дважды в речи персонажей, и каждый раз с его помощью автор имитирует речевые особенности малолетнего Алёшки:

«– Алёшка, где мать? – спросил мой спутник.

– За-а-копали! – сказал Алёшка, засмеялся и махнул рукой на могилу» [6, с. 306] – и тюремного надзирателя:

«– Поддержись! – говорит он негромко и, не размахиваясь, а как бы только примериваясь, наносит первый удар.

– Ра-аз! – говорит надзиратель дьячковским голосом» [Там же, с. 337].

С помощью графики здесь выделяются буквы, которые герои произносят протяжно. Мальчик «тянет» безударную гласную «а» в силу возрастных особенностей – он только учится говорить. Тюремный надзиратель «тянет» гласную «а» в числительном, мерно отсчитывая первый удар плетью по арестанту Прохорову. И так, «растяжка» применяется писателем с целью речевой характеристики персонажей.

Курсивы в основном тексте книги «Остров Сахалин» – самый распространённый приём (70 случаев), который выполняет самые разнообразные функции. Чаще всего курсив служит выделению пространственных реалий (76% случаев): «За Александровском, вверх по течению Дуйки, следует селение *Корсаковское*» [Там же, с. 108]; «Дальше вверх по Дунайке следует селение *Ново-Михайловское*, основанное в 1872 г.» [Там же, с. 116]; «По Тыми к северо-востоку от Дербинского пока основано только два селения: *Воскресенское* и *Усково*» [Там же, с. 153]. В таких случаях Чехов маркирует шрифтом реальные географические названия селений, с которыми знакомится путешественник. Здесь стоит отметить два примечательных факта. Во-первых, как правило, одно поселение выделяется курсивом один раз при первом его упоминании, когда рассказчик приступает к его описанию. Благодаря этому читатель может легко проследить всю цепочку тех мест, которые имеют отношение к каторге и которые посетил путешественник. Во-вторых, с помощью курсива подчёркиваются только каторжные поселения. Именно по этой причине вплоть до 4-й главы отсутствуют подобные выделения, так как в 1-3-й главах рассказчик повествует в целом об острове и некоторых его городках, природе, людях, не связанных с каторжной и тюремной жизнью. А вот с 4-й главы начинается рассказ о каторжных поселениях на Сахалине, и впервые применяется курсив в роли маркера пространственных реалий. После 14-й главы речь идёт уже о вольных поселенцах, живущих на Сахалине «независимо от ссыльной колонии» [Там же, с. 212], об их проблемах (быт, нравственность, болезни, смерти, преступность, обучение, ведение хозяйства и др.). С этого момента курсивы с данной функцией больше не встречаются. Следовательно, выделение курсивом реальных географических пространств: 1) свидетельствует о стремлении писателя к конкретике, что соответствует целям и задачам документальной книги очерков «Остров Сахалин»; 2) обнаруживает последовательность посещённых путешественником мест каторги.

В основном тексте «Острова Сахалин» Чехов маркирует курсивом не только пространственные (географические) реалии, но и реалии сахалинской жизни (10% случаев): название рассказа [Там же, с. 131], название

тюрьмы [Там же, с. 140], название племени [Там же, с. 180, 215], название рыбы [Там же, с. 285, 286], фамилия [Там же, с. 305]. Так, название *Рассказ Егора* выделен курсивом, на наш взгляд, постольку, поскольку это название является обобщающим для всех подобных рассказов арестантов и об арестантах, которые услышал путешественник. Об их типичности говорит и сам рассказчик: «...и я нарочно привел выше *Рассказ Егора*, чтобы читатель мог судить о бесцветности и бедности содержания сотни рассказов, автобиографий и анекдотов, какие мне приходилось слышать от арестантов и людей, близких к каторге» [Там же, с. 131], и исследователь М. Л. Семанова: «Внимание Чехова было направлено не на исключительное, а на обычное, характерное» [4, с. 787]. Курсивом подчеркнута и название тюрьмы: «В это же утро я был в *Воеводской тюрьме*» [6, с. 140] – по причине того, что она предстаёт самым наглядным примером всех подобных тюрем на Сахалине: «В настоящее время из всех сахалинских тюрем это самая безобразная... может служить точной иллюстрацией к описаниям старых порядков и старых тюрем» [Там же]. Говоря о «местном коренном населении» в Северном Сахалине, Чехов подробно рассказывает о гиляках и только упоминает об ороках, маркируя это название курсивом: «Кроме гиляков, в Сев. Сахалине проживают ещё в небольшом числе *ороки*, или ороки, тунгусского племени» [Там же, с. 180]. Также писатель упоминает об исчезающем племени Южного Сахалина и графически выделяет его название: «...здешние инородцы, на вопрос, кто они, не называют ни племени, ни нации, а отвечают просто: *айно*» [Там же, с. 215]. В повествовании о промыслах на Сахалине путешественник отмечает главное его богатство – «периодическую рыбу», которая в определённый период времени в бесчисленном количестве появляется на Сахалине. Названия этих рыб и выделены курсивом: «*Кета*, или кита, рыба из лососевых, имеющая размеры, цвет и вкус нашей семги... в известный период своей жизни входит в некоторые реки Северной Америки и Сибири... На Сахалине это бывает в конце июля или в первой трети августа» [Там же, с. 285]; «Не менее замечателен ход *сельди*, которая периодически появляется по побережьям моря весной» [Там же, с. 286]. Именно так Чехов с помощью графики пытается заострить внимание на промысле, который не развит у русских на Сахалине (по сравнению с японцами), но которому путешественник предрекает большое будущее. И один раз в основном тексте маркируется курсивом фамилия – подпись к стихам на могильном кресте ссыльного фельдшера:

«Прости, товарищ мой, до радостного утра!

Е. Федоров» [Там же, с. 305].

И стихи, и подпись даны в тексте более мелким шрифтом, что позволяет дополнительно подчеркнуть поэтический текст от прозаического. Кроме того, путешественник отмечает, что на этом кладбище могилы «все под один образец, и все немые» [Там же], и только на одной из них – эпитафия с подписью. Значит, Чехов маркирует курсивом только те реалии сахалинской жизни, которые являются либо обычным, характерным явлением, либо единичным, редким.

В 6% случаев Чехов использует в основном тексте курсив в функции маркирования способа обращения. «Величает вашим высокоблагородием, но говорит *ты*» [Там же, с. 101] – такой способ обращения местного населения к путешественнику подчеркивает их расположение к нему. Выделение обращения на «ты» между ссыльным населением, чиновниками, надзирателями: «Чиновники говорят надзирателю *ты* и бранят его как угодно» [Там же, с. 314] – свидетельствует об их неуважительном отношении друг к другу. «Ссыльное население не уважает их и относится к ним с презрительною небрежностью» [Там же].

Курсив в книге «Остров Сахалин» выполняет также функцию умолчания (3% случаев): «Он назвал свою фамилию с окончанием на *кий*, и мне почему-то показалось, что я вижу перед собой одного бывшего офицера, тоже на *кий*, который за дисциплинарное преступление был прислан на каторгу» [Там же, с. 114]. Обходя многочисленные избы в Корсаковке, рассказчик не считает нужным озвучивать фамилию ссыльного священника, а ограничивается только намёком на принадлежность его фамилии к благородному, привилегированному классу. В других случаях путешественник даже не обращает внимания на фамилии каторжных поселенцев.

С функцией прогнозирования сюжета курсив используется дважды (3%) в одной и той же XXI главе. Сначала курсив выделяет слово «устав»: «У ссыльного населения... своя особая, условная преступность, свой *устав*, и преступления...» [Там же, с. 324]. Так, графический приём как бы сигнализирует о том, что далее речь пойдёт об *уставе*. И действительно со следующего абзаца рассказчик повествует о нравственном уставе ссыльных, присущем «по преимуществу людям подневольным, поработанным, голодным и находящимся в постоянном страхе» [Там же, с. 325]. Затем в повествовании о привычности наказания розгами путешественник подробно останавливается на случае с беглым арестантом Прохоровым: «Доктор, молодой немец, приказал ему раздеться и выслушал сердце для того, чтоб определить, *сколько* ударов может вынести этот арестант» [Там же, с. 335]. Выделенное слово предсказывает дальнейшее развитие событий: арестанту озвучивают, сколько плетей ему назначено, мы узнаём, после скольких ударов его тело «побагровело, посинело», после скольких розг он «только мычит и хрипит», после скольких плетей путешественник не выдерживает и уходит из надзирательской.

Далее рассмотрим графические средства, встречающиеся в «подтексте» книги «Остров Сахалин», то есть в многочисленных сносках и примечаниях. И первое, что здесь привлекает внимание, это использование трёх приёмов графики – курсива, разрядки, графического эквивалента текста (см. выше Таблицу 1), а не двух, как в основном тексте. Это косвенно подтверждает особую роль, которую отводил Чехов сноскам и примечаниям. Хотя количество графических средств в «подтексте» значительно меньше, чем в основном: 37 случаев против 72. Из 37 случаев чаще всего писатель применял курсив (57%) и разрядку (41%), реже – графический эквивалент (2%).

Курсив в сносках достаточно часто (30%) выступает в качестве вспомогательного средства, обнаруживающего язык перевода того слова, к которому сделана ссылка. Например, в сноске к слову “frutti di mare”: «...плоды моря (*итал.*)» [Там же, с. 219]. Не менее активно курсив маркирует характеристику образов и предметов (14%). К примеру, характеристика каторжных работ: «Приблизительное исследование каторжных работ на месте привело его к убеждению, что их в России *почти не существует*» [Там же, с. 133]; характеристика хлебных семян: «...в числе семян, *якобы* уродившихся на Сахалине, попадались и семена, выписанные от известного Грачева для посева» [Там же, с. 278]; характеристика окружного начальника Рыковской тюрьмы: «...окружной начальник *ничего* не мог поделаться с ними» [Там же, с. 312]; характеристика беглого каторжника: «Интересно, что этот Блоха слывет за *честного*» [Там же, с. 354]; характеристика земской больницы по сравнению с каторжной: «Земская больница в г. Серпухове, Москов. губ., поставленная *роскошно* и удовлетворяющая вполне современным требованиям науки» [Там же, с. 371]. Курсив также служит выделению пространственно-временных характеристик (8%), например место проживания семейных ссыльных: «Пусть читатель вспомнит про дуйские *казармы для семейных*» [Там же, с. 259]; возрастной характеристики поселенца: «...его не венчают с сожительницей потому, что за *давностью лет* не могут определить его семейного положения» [Там же, с. 264]. Чехов с помощью курсива подчеркивает фамилии (5%). Сначала фамилию автора, записки которого писатель брал, готовясь к поездке [4, с. 839]: «См. *Давыдова* “Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. С предуведомлением Шишкова, 1810 г.”» [6, с. 168]. Но, как выясняется из основного текста, на Северном Сахалине о Давыдове и Хвостове все забыли и ничего о них неизвестно [Там же, с. 168-169]. Потом курсив выделяет фамилию секретаря, подписавшего в Корсаковском полицейском управлении список, где даётся краткая характеристика ссыльных: «Губернский секретарь *Ф. Литке*» [Там же, с. 310].

Разрядка в сносках и примечаниях книги «Остров Сахалин» используется только в одной функции – вспомогательного средства для обозначения фамилий авторов статей и книг, на которые ссылается Чехов: «А в г у с т и н о в и ч. Несколько сведений о Сахалине. Извлечение из путевого журнала. – “Современность”, 1880 г., № 1» [Там же, с. 78].

Графический эквивалент текста в книге «Остров Сахалин» встречается однажды, выполняя функцию умолчания в обозначении имени и фамилии автора статьи в журнале: «Э... в. Ссыльнокаторжные в Охотске. – “Русская старина”, том XXII» [Там же, с. 353]. Из «Примечаний» [4, с. 884] и «Списка книг, статей, газетных корреспонденций, связанных с работой А. П. Чехова над очерками “Из Сибири” и книгой “Остров Сахалин”» [6, с. 893] в академическом издании мы узнаём, что речь идёт о реальном произведении, опубликованном в историческом журнале за 1878 г. и подписанном «Э... в». Получается, что Чехов, ссылаясь на эту работу, следует авторской воле, принципу документальности и оставляет графический эквивалент у себя в книге.

Таким образом, на материале книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» мы обнаружили 109 случаев применения графических средств (курсив, разрядка, «растяжка» и графический эквивалент текста) и проанализировали их функции с учётом сюжетно-композиционного построения путевых записок – деления книги на основной текст и «подтекст» (сноски и примечания). В результате пришли к следующим **выводам**. Во-первых, в основном тексте писатель применил больше графических средств, чем в «подтексте», что обусловлено ролью каждой из этих композиционных частей – основной и дополнительной. Хотя в сносках и примечаниях мы находим три приёма (курсив, разрядка и эквивалент текста), в отличие от основного текста, где встречается два приёма (курсив, «растяжка»). Во-вторых, графические средства и их функции в основном тексте и «подтексте» совершенно разные. Исключение – курсив, который встречается в двух композиционных частях книги, но функции в них выполняет различные. В-третьих, в основном тексте: 1) курсив маркирует пространственные реалии и реалии сахалинской жизни, способы обращения, а также выполняет функцию умолчания и прогнозирования сюжета; 2) «растяжка» обнаруживает речевые особенности персонажей. В «подтексте»: 1) курсив выступает в роли вспомогательного средства, помогающего обнаружить язык перевода слова, а также подчёркивает характеристику образов, предметов, пространственно-временные характеристики и фамилии; 2) разрядка используется для выделения фамилий авторов, на статьи/книги которых ссылается Чехов; 3) графический эквивалент текста – в функции умолчания. В-четвёртых, как «подтекст» выступает в книге в виде дополнительного материала, так и графические средства в «подтексте» по большей части выполняют вспомогательную роль, помогая обнаружить авторскую ссылку на фамилию и т.п. В-пятых, подавляющее большинство курсивов в основном тексте книги «Остров Сахалин» встречается в тех главах, где путешественник ездит по каторжным поселениям и рассказывает о них. В основном эти курсивы маркируют пространственные реалии (названия поселений). А в тех главах, где повествуется о поселенцах, их быте и нравах, графические средства активизируются в «подтексте». Всё это свидетельствует о прочной взаимосвязи сюжетно-композиционного замысла и графического облика книги Чехова. Писатель мобилизовал возможности графики для того, чтобы акцентировать внимание читателей на тех местах каторги, где побывал, и на своеобразии жизни каторжных поселений.

Список источников

1. Баскакова Л. В. Типология сносок в «Острове Сахалине» // Проблемы языка и стиля А. П. Чехова: сб. статей / отв. ред. М. К. Мильых. Ростов-на-Дону: Ростовский гос. ун-т, 1983. С. 57-64.
2. Борисова И. М. Курсив в прозе А. П. Чехова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 11. С. 4-9.
3. Маевский Н. Н. Стилевой полифонизм произведения А. П. Чехова «Остров Сахалин» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2009. № 4. С. 84-105.

4. Семанова М. Л. Примечания // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. М.: Наука, 1978. Т. 14-15. С. 739-886.
5. Сухих И. Н. «Остров Сахалин» в творчестве Чехова // Русская литература. 1985. № 3. С. 72-84.
6. Чехов А. П. Остров Сахалин // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. М.: Наука, 1978. Т. 14-15. С. 887-897.
7. Flath C. Writing about Nothing: Chekhov's "Ariadna" and Narcissistic Narrator // Slavic and East European Journal. 1999. Vol. 77. № 2. P. 223-239.
8. Senelick L. Chekhov and the bubble reputation // Chekhov Then and Now: The Reception of Chekhov in World Culture. N. Y.: Peter Lang, 1997. P. 5-18.
9. Sherbinin J. W. de. Chekhov and Russian Religious Culture: The Poetics of the Marian Paradigm. Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 1997. 189 p.
10. Swift M. S. Biblical Subtexts and Religious Themes in Works of Anton Chekhov. Middlebury Studies in Russian Language and Literature. N. Y. – Oxford: Peter Lang, 2004. 196 p.

Specificity of Graphic Design of A. P. Chekhov's Book "Sakhalin Island"

Borisova Irina Mikhailovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Provatorova Ol'ga Nikolaevna, Ph. D. in Philology

Orenburg State University

iragridneva7611@mail.ru; olgaprovatorova@yandex.ru

The article for the first time examines specificity of graphic design of A. P. Chekhov's book "Sakhalin Island". The research objective involves identifying the graphic means used in the book and analyzing their functions. Scientific originality of the paper lies in the fact that the book's graphic design has not been previously investigated. The conducted analysis allows identifying the following graphic means: italics, spacing, "feathering" and text graphic equivalent. Their functions are described taking into account a compositional peculiarity – the book is divided into basic text and "subtext" (notes, references). Special attention is paid to distribution of graphic means in the text. The following conclusions are justified: graphic means perform diversified functions that differ depending on a particular text layer, the book's graphic design is closely associated with the writer's storyline and compositional intention.

Key words and phrases: A. P. Chekhov; book of essays "Sakhalin Island"; graphic means; italics; spacing; "feathering"; text graphic equivalent; basic text; "subtext" (notes and references); functions of graphic means.

УДК 82-3(571.6)

Дата поступления рукописи: 16.04.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.3>

Статья посвящена изучению художественного мира природоведческих произведений В. П. Сыроева. В работе выделяются типологические черты прозы В. П. Сыроева, анализируются система персонажей, мотивная структура организации сюжета произведений, а также способы художественной репрезентации мира дальневосточной природы. Цель исследования – выявить художественные особенности произведений В. П. Сыроева. Научная новизна исследования заключается в попытке целостного осмысления специфики природоведческой прозы В. П. Сыроева. В результате доказано, что художественная специфика прозы В. П. Сыроева обусловлена синтезом жанров классического охотничьего рассказа и натуралистических природоведческих зарисовок, а также эстетикой натурфилософской прозы второй половины XX века.

Ключевые слова и фразы: В. П. Сыроев; дальневосточная природоведческая проза; анимализм; охотничьи мотивы; поэтика пейзажа; мифопоэтика.

Васильева Татьяна Владимировна

Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

t-1980@yandex.ru

Художественное своеобразие природоведческой прозы В. П. Сыроева

Под дальневосточной природоведческой прозой подразумевается ряд литературных произведений различных жанров, репрезентирующих природно-географические, ландшафтные и ресурсно-биологические особенности российского Дальнего Востока. Анализ фактического материала показывает, что в рамках этой прозы выделяется два больших направления: этнографо-натуралистическое (Н. М. Пржевальский, В. К. Арсеньев) и философско-художественное (В. П. Сыроев, С. П. Кучеренко, Д. Василенко и другие). В. П. Сыроева можно считать основоположником второго направления дальневосточной природоведческой прозы, поскольку в его творчестве происходит коренной поворот от очерково-документального изображения мира дальневосточной природы в сторону ее художественного изображения и натурфилософского осмысления в аспекте экологической проблематики, ставшей актуальной во второй половине XX столетия. Несмотря на то, что перу В. П. Сыроева принадлежит 18 книг, его литературное наследие остается неисследованным в монографическом плане.